

ADDRESSES IN THE SOLEMN ODES OF M.V. LOMONOSOV AS ORATORICAL FORMS OF SPEECH

Burtsev Vladimir Anatolyevich^{1*}

Associate Professor, I.A. Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia.

(date of receiving:, October 2023; date of acceptance: December 2023)

Abstract

The subject of the article is the category of treatment in the Rhetoric and solemn odes of M.V. Lomonosov. The task was to show that the category of address in Lomonosov's odes is used in accordance with its rhetorical codification in Lomonosov's textbooks of rhetoric: as a subjective form of speech designed to express the author's attitude to the subject of speech, and as a means of rhetorical decoration, contributing to the achievement of a pragmatic goal – to influence the addressee. The article describes Lomonosov's interpretation of the category of treatment against the background of the previous rhetorical tradition, gives a general description of the use of lexical classes of nouns in the role of treatment. The use of the most frequent words in the vocative function is analyzed – *Muse, Russia, God*. For the purpose of comparison, the use of common non-personal names in the role of odic addresses is studied. It is demonstrated that the semantics of the address is necessarily filled with meaning coming from the panegyric context. The lexical spheres (figurative and metaphorical synonyms) assigned to the studied vocatives in the odes are also revealed. The conclusions made confirm the assumption that Lomonosov's linguistic practice is the embodiment of his philological views.

Keywords: M.V. Lomonosov, Solemn Odes, Address, Rhetoric, Rhetorical Figures.

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518> * Corresponding author

ОБРАЩЕНИЯ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ОРАТОРСКИЕ ФОРМЫ РЕЧИ

Бурцев Владимир Анатольевич^{1*}

Доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия.

(дата получения: октябрь 2023 г.; дата принятия: декабрь 2023 г.)

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является категория обращения в Риториках и торжественных одах М.В. Ломоносова. Ставилась задача показать, что категория обращения в одах Ломоносова используется в соответствии с ее риторической кодификацией в ломоносовских учебниках риторики: как субъектная форма речи, призванная выразить авторское отношение к предмету речи, и как средство риторического украшения, способствующее достижению прагматической цели – оказать воздействие на адресата. В статье описывается ломоносовская интерпретация категории обращения на фоне предшествующей риторической традиции, дается общая характеристика употребления лексических классов существительных в роли обращения. Анализируется употребление наиболее частотных в вокативной функции слов – *Муза, Россия, Боже*. В целях сравнения изучается употребление нарицательных неличных имен в роли одических обращений. Продемонстрировано, что семантика обращения обязательно наполняется смыслом, идущим от панегирического контекста. Выявлены также лексические сферы (образно-метафорические синонимы), закрепляемые в одах за исследованными вокативами. Сделанные выводы подтверждают предположение о том, что языковая практика Ломоносова является воплощением его филологических взглядов.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Торжественные Оды, Обращение, Риторика, Риторические Фигуры.

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518> * Ответственный автор

Введение

В литературе неоднократно отмечалось, что в торжественных одах Ломоносова отбор языковых средств опирается на риторiku (Виноградов 1955. 6; Бурцев 1993.11; Живов 2017. 1057; Гуковский 1928; Серман 1966; Тынянов 1977). Однако вопрос об особенностях реализации его риторической программы в одах, особенно в отношении использования отдельных риторических фигур, недостаточно изучен. Необходимость изучения риторического аспекта одических произведений Ломоносова определяет актуальность настоящей работы. Предмет рассмотрения статьи – категория обращения в Риториках и торжественных одах Ломоносова. В одах Ломоносова обращение обладает стопроцентной продуктивностью, т.е. нет ни одного одического произведения, в котором обращение бы отсутствовало. Продуктивность обращений в одах Ломоносова служит обоснованием их выбора в качестве предмета исследования данной работы.

В статье ставится задача показать, что категория обращения в одах Ломоносова используется в соответствии с ее риторической кодификацией в ломоносовских учебниках риторики: как субъектная форма речи, призванная выразить авторское отношение к предмету речи, и как средство риторического украшения, способствующее достижению прагматической цели – оказать воздействие на адресата. В существующих исследованиях филологического наследия Ломоносова обращение охарактеризовано только как риторический термин в рамках лексикографического описания риторической терминологии Ломоносова (Филологическое ... 2013). Мы делаем попытку использовать положения, кодифицированные в риториках Ломоносова, как конкретные критерии для выявления особенностей употребления обращений в одах. Такой подход к анализу категории обращения в торжественных одах Ломоносова определяет новизну данной работы.

В разделе 1 приводится ломоносовская интерпретация категории обращения на фоне предшествующей риторической традиции. В разделах 2-4

описываются наиболее частотные в вокативной функции слова – *Муза, Россия, Боже*. В разделе 5 с целью сравнения анализируются нарицательные имена в роли одических обращений.

Основная часть

1. Обращение в риториках М.В. Ломоносова. Характеристика обращения как риторической фигуры дана Ломоносовым в обеих его риториках: «Кратком руководстве к риторике» (Ломоносов 1952а)¹ и «Кратком руководстве к красноречию» (Ломоносов 1952б)². Сведения об обращении даются в тех частях, где рассматриваются средства украшения речи. Средства украшения в риториках – это тропы и фигуры. Ломоносов не отступает от традиции и помещает обращение в номенклатуру фигур предложения. Кроме фигур предложения, Ломоносов также традиционно выделяет еще один тип фигур – фигуры речений. Содержание этих понятий в Риториках не определено. Кроме того, дефиниции обращения, которые даны Ломоносовым, недостаточно информативны для того, чтобы только на их основе сделать определенные выводы относительно понимания Ломоносовым формальных и экспрессивных особенностей обращения как риторической фигуры. Ср.: «Отвращение есть отнесение речи от предложенной материи к другой вещи, животной или бездушной, во втором лице глагола» (Риторика 1744. § 100). «Обращение есть когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует (Риторика 1748. § 216). Поэтому в нижеследующем описании мы кратко покажем, из каких положений исходили в данной работе, интерпретируя категорию обращения в Риториках Ломоносова. Учитывая истоки, природу жанра

1. Далее – (Риторика 1744).

2. Далее – (Риторика 1748).

(сходство формулировок и примеров) и степень изученности риторических трактатов, мы рассматривали положения ломоносовских риторик в свете античной номенклатуры риторических фигур. В качестве источника сведений по античной риторике использовали статью М.Л. Гаспарова (Гаспаров 1991), в которой элокутивная часть античной риторики представлена согласно этой традиции – систематически.

М.Л. Гаспаров пишет: «Фигурами ... назывались в античной словесности все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью (Гаспаров 1991. 41). С грамматической точки зрения фигурами являлись сочетания слов. В античных риториках фигуры делились на фигуры мысли и фигуры слова. Как отмечено в (Гаспаров 1991), «если с изменением этих сочетаний слов менялся и смысл, то перед нами фигура мысли, если нет – фигура слова. Фигуры мысли были средством выделить именно данную излагаемую мысль, фигуры слова – просто привлечь внимание к данному месту в речи» (Гаспаров 1991. 41).

Среди фигур мысли выделялось четыре группы: 1) уточняющие позицию оратора; 2) уточняющие смысл предмета; 3) уточняющие отношение к предмету; 4) уточняющие контакт со слушателями. «Фигуры, уточняющие контакт со слушателями, могли быть двух видов: обращением и вопросом. Обращение могло быть а) мольбою, т.е. униженностью перед публикой; б) упреком, «свободоречием», т.е. заносчивостью перед публикой; в) «отвлечением», т.е. обращением не к публике, а в сторону...» (Гаспаров 1991. 42). Исходя из этого описания, можно полагать, что в античных риториках основными функциями обращения считались контактная, экспрессивная и прагматическая. Как представляется, в риторических руководствах Ломоносова обращение как «фигура предложения» дополнительно наделялось также эстетической функцией, поскольку характеризовалось как средство украшения речи, способное доставить слушателю эстетическое наслаждение.

По нашему мнению, этот вывод следует из такого замечания Ломоносова: «Сея великолепныя, сильныя и слово оживляющия фигуры довольно есть примеров у великих ораторов и стихотворцев» (Риторика 1748. § 216).

Ломоносов не отстает от античной традиции и в определении прагматического потенциала обращения: «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается, например, обращение повелительное:

Исполнил бог свои советы

С желанием Елисаветы:

Красуйся светло, росский род» (Риторика 1748. § 217).

Таким образом, исходя из кратко представленного диахронического риторического контекста, можно, очевидно, интерпретировать категорию обращения в Риториках Ломоносова следующим образом: 1) средство выделения данной мысли в тексте; 2) средство украшения речи; 3) средство воздействия на адресата.

2. Употребление в одах лексемы-обращения «Муза». Оды не только создавались с прагматическими целями, но и являли собой образцы высокого красноречия, поэтического искусства, поэтому традиционным здесь было обращение к Музе. Первым словарем, зафиксировавшим слово «муза» в русском языке, был «Российский с немецким и французскими переводами словарь» Ивана Нордстета (Нордстет 1780). Однако, как отмечено в (Сазонова 1987), слово «муза» активно используется в русской панегирической литературе гораздо раньше, уже с конца XVII в. В частности, примерами употребления данного слова как поэтической метафоры изобилует «Орел российский» Симеона Полоцкого. Обращение к «красным музам» включали в

свои произведения известные писатели конца XVII – начала XVIII в. Карион Истомин и Анастасий Михайлов. К первой половине XVIII в. это слово прочно входит в состав поэтической лексики в значении: «Одна из девяти богинь, покровительница искусств и наук; источник поэтического вдохновения» (Словарь 1950. 1350). Приведем вначале примеры подобного употребления данного слова стихотворениях поэтов XVIII в.

(1)

Тебе поют гусли, кимвалы,

Тебе славят трубы громогласны.

Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну!

(В.К. Тредиаковский. «Стихи всемиловитвейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоановне по слову похвальном»).

(2)

Посеянные им, возрастайте, вы,

Науки, на брегах чистых вод Невы,

Труды Петровы, процветайте,

Музы, на севере обитайте.

(А.П. Сумароков. «Ода горацианская»).

(3)

Ты, Муза! С самых древних веков

Великих, сильных человеков

Всегда умела поласкать.

(Г.Р. Державин. «Решемыслу»).

Приведем ломоносовские примеры.

(4)

Однако дух еще стремится,

Еще кипит сердечный жар,

И ревность умолчать стыдится:

О Муза, усугубь свой дар,

Гласи со мной в концы земныя,

Коль ныне радостна Россия!

(Ода 1748, с. 221)¹.

(5)

Ты, муза, лиру прими

И, чтоб слышала вселенна,

Коль жизнь наукам здесь блаженна,

Возникни, вознесись, греми.

(Ода 1750, с. 395).

В работе (Сазонова 1987) предлагается следующий вывод, который представляется нам убедительным, относительно аллегорического образа Музы. По мнению Л.И. Сазоновой, «постоянный топос панегириков и од – мотив невыразимого: поэты любят говорить о своем неумении выразить всю силу лирического чувства, которое они испытывают по отношению к воспеваемым им героям и событиям. И тогда в помощники своей лире они призывают великих поэтов античности, муз и Аполлона» (Сазонова 1987. 121).

3. Употребление в одах лексемы-обращения «Россия». В XVIII в. в художественных текстах усилился процесс функционирования патриотической лексики. Это было обусловлено факторами исторического порядка: провозглашение России империей, ее соперничество с геополитическими соседями, развитие торговли, финансов и промышленности и др. В функции обращения из круга патриотической лексики наиболее часто использовалось в одах собственное имя «Россия».

1. Здесь и далее стихотворения Ломоносова цитируются по: (Ломоносов 1959). При ссылках сообщаются год публикации оды и номера страниц из цитируемого источника, например: (Ода 1748. 220).

(6)

Воздвигнися в сей день, Россия. И очи окрест возведи;

К тебе гласят концы земныя;

«меж нами распри ты суди

Елисаветиною державой».

(Ода 1759. 665).

(7)

Россия, что тебя за весел дух живит?

Как можешь рада быть? Европа вся скорбит:

Тебе грозит раздор, лукавство сети ставит,

Предерский полк землей и небом правит,

Что мыслью в твой предел уже давно вступил,

Пограбил все места, твое добро сглотил.

(Венчанная надежда Российской Империи 1742. 69).

В одах возможна эквивалентная замена слова «Россия» на гипероним «страна» с определениями: *страна благословенна, российская страна.*

(8)

Ликуй, страна благословенна,

Всевышняго обетам верь;

Пребудешь оным покровенна,

Его щедротой счастье мерь;

Взирай на нивы изобильны,

Взирай в полки велики, сильны,

И на размноженный народ.

(Ода 1757. 637).

(9)

Державы свояя весною

К довольству, славе и покою

Обильно сыплет семена,

Печется, ограждает, греет.

О коль богатый плод поспеет

В тебе, Российская страна.

(Ода 1764. 788).

Легко заметить, что в приведенных выше примерах тип стихов – панегирический. Именно поэтому везде повторяется неизменный одический мотив: неразрывность деяний бога и заслуг монарха с величием государства. Создается традиционная ассоциативная цепочка: «бог – монарх – Россия», между членами которой наблюдается своеобразное уподобление, выравнивание масштабов по охвату диапазона действительности. Бог венчает монарха на царство на земле. Россия – страна, управляемая божьим помазанником. Об этом писал Д.Д. Благой: «Рядом с этим отвлеченным образом (монархии. – Б.В.) в одах Ломоносова постоянно присутствует другой, не менее могучий женский образ «возлюбленной матери» – России... В творческом сознании Ломоносова ... эти образы произвольно сливаются ... Россию Ломоносов рисует в облике державной владычицы, облеченной в порфиру и венец с царственным скипетром в руках» (Благой 1960. 195).

Направленность на панегирическую окраску формального адресата оды имеют также императивные призывы к реалиям окружающего мира. Адресаты обращений – волны, горы, леса, реки – ориентированы на символическое описание необъятных просторов России. Такие обращения являются, как правило, основой клише аллегорического одического пейзажа, порождающего ряд ассоциаций. С одной стороны, «тематизм», сопровождающийся

хронологическим подтекстом, который определяет «поведение» природы или военные успехи России, дела Петра Великого, царствующих монархов; с другой – «на троне женщина, верноподданность сливается поэтому с куртуазностью, с легкой влюбленностью, с пасторальными чувствами, ее воцарение – весна ...» (Пумпянский 1983. 315). Примеры «тематизма» и «куртуазности» соответственно в (10) и (11).

(10)

*Ликуйте, сонмы многих вод,
Рифейских гор верьхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
Излейте чистый ток ключей.*

(Ода 1745. 128).

(11)

*Но холмы и древа скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенная покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы.*

(Ода 1742. 93).

4. Употребление в одах лексемы-обращения «Боже». Одной из этико-эстетических граней философско-религиозной картины мира Ломоносова

являлась идея постижения истины на пути хвалы и безграничного почитания Создателя этой истины (см., например: (Бухаркин 2011)). Ломоносов обращается к Богу в различных ситуациях: с просьбой о мире, милостях, от имени России, россиян и от своего собственного. Употребление церковнославянской формы «Боже» создавало атмосферу изображаемой среды, будучи стилистически и семантико-синтаксически соотнесено с регулярными в подобных контекстах словосочетаниями типа *пролить щедроты, пролить любовь* и т.п.

(12)

*О Боже! Мира Бог, возстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей.*

(Ода 1759. 656).

(13)

*Твои щедроты, Боже, знаю,
Что пролил ты во мне пред сим.
Твоей Главу покрой рукою,
Котору ты мне дал к покою,
К веселью людям всем твоим.*

(Ода 1741.41).

Лексико-фразеологический ряд воплощений денотата «бог» в одах Ломоносова отражает широкое синонимическое варьирование слов и выражений, связанных единством семантической доминанты «всесильный». Ср. перифразы: *правитель царств, небес зиждитель, творец и царь небес, источник лет, источник добра, веков отец* и др.

(14)

*Но Бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор вперил,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубокою,
Со власть рек: «Да будет свет».
И бысть! О твари Обладатель!
Ты паки света нам Создатель,
Что взвел на трон Елисавет.*

(Ода 1746. 140).

(15)

*Творец и Царь небес безмерных,
Источник лет, веков Отец,
Услыши глас Россиян верных
И чисту искренность сердец!*

(Ода 1743, с. 109).

Обращение к Богу в этих текстах, с одной стороны, облегчало мотивацию панегирической тематики по отношению к монархам, с другой – косвенно возвеличивало и самого поэта, погруженного в осознание гражданского долга.

Следует отметить и преобладание в одах определенной грамматической формы образных номинаций Бога, а именно предпочтение метафоры генитивного типа каким-либо другим конструкциям (см. приведенный выше ряд генитивных словосочетаний – *источник лет, веков отец* и др.). Данный тип синтаксического построения расценивался в традиционных грамматиках как стилистически маркированный коннотацией «высокое». Например, Ф.И. Буслаев писал: «Эпитет, выраженный только одним существительным в родит. падеже без определения принадлежит речи книжной и слогу витиеватому»

(Буслаев 1959. 460). Ср. в текстах XIX в.: *вождь мудрости* (Батюшков К. «Отрывок из 1 песни «освобождения Иерусалима»), *дева красоты* (Жуковский В. «Певец во стане русских воинов»), *ангел красоты и и нежности* (Жихарев С. «Записки современника»).

Наиболее частотное обращение к Богу в духовных одах, которые сам Ломоносов называл «парафрастическими одами» и в которых он должен был частично сохранить и словоупотребление, характерное для подлинника (псалма), а не только передать точный смысл поэтических произведений, входящих в Псалтирь. Ср. в псалме 70: «Боже мой, избави мя от руки грешнаго»; «Боже мой, не удалися от мене»; Боже мой, в помощь мою вонми»; «Боже мой, имже научил мя еси от юности моея» и т.п. В преложении псалма 70 Ломоносовым: «Во время старости глубокой, О боже мой, не отступи»; «О боже мой, не удалися, Покрой меня рукой своей»; «Тобою, боже я наставлен хвалить тебя от юных лет» и др.

5. Стилистически нейтральные русские слова в позиции обращения. В одах в этой роли выступают нарицательные имена существительные типа *ветер, горы, звуки, ветвь* и под.

(15)

*И вы, о горды пирамиды,
Чем Нильский берег отягощен,
Хотя бы чувства вы имели
И чудный труд лет малых зрели,
Вам не было бы тяжело то,
Что строены вы целы веки:
Вас созидали человеки,
Здесь созидает божество*
(Ода 1751. 399).

(16)

Всегдашним льдом покрыты волны,

Скачите ныне, веселья полны,

В брегах чините весел шум.

(Ода 1741. 34).

Очевидно, что в функции обращения неличные имена персонифицируются, реализуя тем самым дополнительные образные семы. Согласно ломоносовской риторической программе создание ораторской речи невозможно без употребления в тексте тропов. Об их роли в создании украшенной и, следовательно, убедительной речи ученый писал следующее: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного именованья к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» (Риторика 1748. § 167). Очевидно, ломоносовский термин «великолепие» квалифицирует не стилистическое, а эстетическое (переносное метафорическое и метонимическое) значения. Следует заметить, что слова с эстетическим значением играют ведущую роль в поэтических текстах любой литературной эпохи: классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма. Что касается произведений Ломоносова, то, по словам И.З. Сермана, Ломоносов «сделал метафору и метафоризацию основным поэтическим принципом стиля» (Серман 1966. 103). Вторичная номинация связывается поэтами XVIII в. с высоким, украшенным слогом, с величественными и прекрасными понятиями, поэтому лексической основой метафоры и метонимии должны быть слова с коннотативной семой «высокое». Ср.: «златовидный солнца луч» – о взгляде Анны Иоановны, «светило дня» – о солнце, «блистающий предел» – о небе. В качестве тропов могли также употребляться нейтральные лексемы, но не слова, содержащие семы «сниженное» или «фамильярное». Вне тропеических

обозначений Ломоносов иногда отступает от норм высокого стиля, употребляя в одах слова живой разговорной и даже диалектной речи (*лыба, нынь, вал* и т.п.). Современники Ломоносова, в частности А.П. Сумароков относили к нарушению норм высокого стиля частое употребление поэтом слов «руки», «ноги» в составе метафор: «Крутит главой, звучит браздами И топчет бурными ногами», «Брега Невы руками плещут». В позиции обращения Ломоносов также использовал не свойственные высокому стилю слова. Например, в тексте оды 1741 г. употребляется уменьшительное существительное «ножки».

(17)

Вы, ножки, что лобзать желают

Давно уста высоких лиц,

Подданства знаки вам являют

Языки многи, павши ниц,

В Петров и Аннин след вступите,

Противных дерзость всех стопчите.

(Ода 1741. 36).

Расхождение стилистических характеристик этого слова с основным церковнославянским составом строфы (*лобзать, уста, подданства, дерзость* и др.) очевидно. Однако такое употребление мотивировано как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Во-первых, тем, что ода посвящена малолетнему Иоанну III. Во-вторых, тем, что стилевое противопоставление церковнославянских и русских слов уже не было таким актуальным к сер. XVIII в., т.е. не нарушало закономерностей создания высокого стиля (Колесов 2004. 427). Как отмечает В.В. Колесов, гораздо резче противопоставляются в этот период «живое русское» и «высокое архаическое» (включая славянизмы разного рода) (Колесов 2004. 427). В-третьих, как представляется, обращения такого типа проявляют одно из характерных для

обращений художественной речи экспрессивное свойство – они играют роль собственно называния, представления предмета речи. Данная функция описана в (Русская грамматика 1980. 166). Мы не говорим о полном тождестве описанных типов обращений в одах с примерами из (Русская грамматика 1980), но существенные схожие признаки, с нашей точки зрения, есть. Это то, что в одах обращение составляет отдельную и законченную часть поэтического текста, и то, что обращение ослабляет связь с конкретным адресатом речи: в качестве которого в примере (17) выступает младенец. Исходя из предложенных аргументов, обращения рассмотренного типа мы характеризуем как свойственные высокому стилю риторические приемы украшения речи.

Заключение

Мы рассмотрели примеры употребления лексем-обращений в торжественных одах М.В. Ломоносова и предложили лингво-риторическое описание этих языковых средств в рамках риторической теории украшенной речи Ломоносова. Были проанализированы некоторые частотные лексемы в вокативной функции: *Муза*, *Россия*, *Боже*, а также нарицательные неличные имена. Мы показали, что категория обращения в одах Ломоносова является продуктивным элементом поэтической ораторской речи. Показано, что в одах обращения служат, во-первых, средствами выразить авторское отношение к предмету речи, во-вторых, приемами риторического украшения, и в этом качестве – средствами воздействия на адресата оды. Продемонстрировано, что семантика обращения обязательно наполняется смыслом, идущим от панегирического контекста. Выявлены также лексические сферы (образно-метафорические синонимы), закрепляемые в одах за исследованными вокативами. Сделанные выводы подтверждают предположение о том, что языковая практика Ломоносова является воплощением его филологических взглядов.

Литература

- 1- Благой Д.Д. (1960). *История русской литературы XVIII века*: Учебник для ун-ов и пед. ин-тов. Изд. 4-е, пересмотр. М.: Учпедгиз, 582 с.
- 2- Бурцев В.А. (1993). *Синтаксические средства речевого воздействия на адресата в теории и литературной практике М.В. Ломоносова*: дисс. ...канд. филол. наук. СПб, 218 с.
- 3- Буслаев Ф.И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. М.: Учпедгиз, 623 с.
- 4- Бухаркин П.Е. (2011). *Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание* // Христианское чтение. № 3. С. 6-18.
- 5- Виноградов В.В. (1955). *Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы* // Вопросы языкознания. № 4. С. 3-34.
- 6- Гаспаров М.Л. (1991). *Античная риторика как система* // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, с. 27-59.
- 7- Гуковский Г.А. (1928). *К вопросу о русском классицизме* // Поэтика: Временник отд. словесных искусств Гос. Ин-та истории искусств. Л.: Academia. Вып. IV. С. 126-148.
- 8- Живов В. М. (2017). *История языка русской письменности*: В 2 т. Том II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 480 с.
- 9- Колесов В. В. (2004). *Слово и дело: Из истории русских слов*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 703 с.
- 10- Ломоносов М. В. (1959). *Поэзия. Ораторская проза. Надписи*. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732—1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- 11- Ломоносов М.В. (1952а). *Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия* // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950 – 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, С. 19 – 80.
- 12- Ломоносов М.В. (1952б). *Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоого красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки* // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950 – 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, С. 89 – 378.
- 13- Нордстет И. (1780). *Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом*. СПб.

- 14- Пумпянский Л.В. (1982). *К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова)* // Контекст – 1982: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, с. 303-331.
- 15- *Риторика М. В. Ломоносова* (2017) / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич., Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 632 с.
- 16- *Русская грамматика* (1980): В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 709 с.
- 17- Сазонова Л. И. (1987). *От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова* // Ломоносов и русская литература /Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, с. 103-126.
- 18- Серман И.З. (1966). *Поэтический стиль Ломоносова*. М.-Л.: Наука, 259 с.
- 19- *Словарь современного русского литературного языка* (1950) / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, т. 1.
- 20- Тынянов Ю.Н. (1977). Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, с. 227—252.
- 21- *Филологическое наследие М.В. Ломоносова*. (2013). СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.

Bibliography

- 1- Blagoj D.D. (1960). *Istoriya russoj literatury` XVIII veka: Uchebnik dlya un-ov i ped. in-tov. Izd. 4-e, peresmotr.* М.: Uchpedgiz, 582 s.
- 2- Burcev V.A. (1993). *Sintaksicheskie sredstva rechevogo vozdejstviya na adresata v teorii i literaturnoj praktike M.V. Lomonosova: diss. ...kand. filol. nauk.* SPb, 218 s.
- 3- Buslaev F.I. (1959). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka.* М.: Uchpedgiz, 623 s.
- 4- Buxarkin P.E. (2011). *Duxovnaya oda M.V. Lomonosova: literaturny`j kontekst i religioznoe sodержanie* // *Xristianskoe chtenie.* № 3. S. 6-18.
- 5- Vinogradov V.V. (1955). *Problema istoricheskogo vzaimodejstviya literaturnogo yazy`ka i yazy`ka xudozhestvennoj literatury`* // *Voprosy` yazy`koznaniya.* № 4. S. 3-34.
- 6- Gasparov M.L. (1991). *Antichnaya ritorika kak sistema* // *Antichnaya poe`tika. Ritoricheskaya teoriya i literaturnaya praktika.* М.: Nauka, s. 27-59.

- 7- Gukovskij G.A. (1928). *K voprosu o russkom klassicizme* // Poe`tika: Vremennik otd. slovesny`x iskusstv Gos. In-ta istorii iskusstv. L.: Academia. Vy`p. IV. S. 126-148.
- 8- Zhivov V. M. (2017). *Istoriya yazy`ka russkoj pis`mennosti*: V 2 t. Tom II. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 480 s.
- 9- Kolesov V. V. (2004). *Slovo i delo: Iz istorii russkix slov*. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 703 s.
- 10- Lomonosov M. V. (1959). *Poe`ziya. Oratorskaya proza. Nadpisi*. // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. — M.; L., 1950—1983. T. 8: Poe`ziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732—1764. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.
- 11- Lomonosov M.V. (1952a). *Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol`zu lyubitelej sladkorechiya* // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950 – 1983. T. 7: Trudy` po filologii 1739 – 1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, S. 19 – 80.
- 12- Lomonosov M.V. (1952b). *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroj sodержitsya ritorika, pokazuyushaya obshhie pravila oboego krasnorechiya, to est` oratorii i poe`zii, sochinennaya v pol`zu lyubyashih slovesny`e nauki* // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950 – 1983. T. 7: Trudy` po filologii 1739 – 1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, S. 89 – 378.
- 13- Nordstet I. (1780). *Rossijskij s nemeczkim i franczuzskim pervodami slovar`, sochinennyj nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom*. SPb.
- 14- Pumpjanskij L.V. (1982). *K istorii russkogo klassicizma (poe`tika Lomonosova)* // Kontekst – 1982: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. M.: Nauka, s. 303-331.
- 15- *Ritorika M. V. Lomonosova* (2017) / P. E. Buxarkin, S. S. Volkov, A. A. Vetushko-Kalevich., N. V. Kareva, K. N. Lemeshev, E. M. Matveev, K. M. Nomokonova, A. N. Semixina, A. S. Smirnova, K. Yu. Tver`yanovich, A. K. Filippov, M. G. Sharixina / nauch. red. P. E. Buxarkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev. SPb.: Nestor-Istoriya, 632 s.
- 16- *Russkaya grammatika* (1980): V 2-x t. / Redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr. T. 2. Sintaksis. M.: Nauka, 709 s.
- 17- Sazonova L. I. (1987). *Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M.V. Lomonosova* // Lomonosov i russkaya literatura /Otv. red. A.S. Kurilov. – M.: Nauka, s. 103-126.
- 18- Serman I.Z. (1966). *Poe`ticheskij stil` Lomonosova*. M.-L.: Nauka, 259 s.
- 19- *Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka* (1950) / Pod red. V. I. Cherny`shyova. M., L.: Izd-vo AN SSSR, t. 1.
- 20- Ty`nyanov Yu.N. (1977). *Oda kak oratorskij zhanr* // Ty`nyanov Yu. N. Poe`tika. Istoriya literatury`. Kino. M.: Nauka, s. 227—252.

- 21- *Filologicheskoe nasledie M.V. Lomonosova*. (2013). SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 480 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Burtsev Vladimir Anatolyevich (2024). ADDRESSES IN THE SOLEMN ODES OF M.V. LOMONOSOV AS ORATORICAL FORMS OF SPEECH. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 107-128.

DOI: 10.61186/iarll.23.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/313>

خطاب در قصیده‌های غنایی لامانوسف به عنوان اشکال سخنوری گفتار

ولادیمیر آناتولیویچ بورتسف^{*۱}

دانشیار دانشگاه دولتی ای.ا. بونین یلتس،
یلتس، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

موضوع این مقاله، مقوله خطاب در سبک بلاغت و قصیده‌های غنایی لامانوسف است. نشان دادن اینکه مقوله خطاب در قصیده‌های غنایی لامانوسف مطابق با رمزگذاری بلاغی آن در کتاب‌های آموزش بلاغت لامانوسف به کار می‌رود، هدف اصلی این پژوهش است. به بیان دیگر، بررسی آن به عنوان شکلی ذهنی از گفتار که برای بیان نگرش نویسنده به موضوع گفتار طراحی شده است، و به عنوان ابزار بلاغی زیباسازی گفتار که به دستیابی به هدف عملگرایانه اثر یعنی تأثیرگذاری بر مخاطب کمک می‌کند. این مقاله تفسیر لامانوسف از مقوله خطاب را در پس‌زمینه سنت بلاغی قبلی توصیف می‌کند و توصیفی کلی از استفاده از کلاس‌های واژگانی اسم‌ها در نقش خطاب ارائه می‌دهد. استفاده متداول از کلمات *Муза, Россия, Боже* در نقش خطاب تجزیه و تحلیل می‌شود. برای مقایسه، استفاده از اسامی عام غیرشخصی در نقش خطاب بلاغی بررسی شده است. نشان داده شده است که معناشناسی خطاب لزوماً پر از معنایی است که از بافت مدحی آمده است. حوزه‌های واژگانی (مترادف‌های مجازی و استعاری) منسوب به خطاب‌های مورد مطالعه در قصیده‌ها نیز شناسایی شده‌اند. نتایج به دست آمده این فرض را تأیید می‌کند که عملکرد زبانی لامانوسف تجسم دیدگاه‌های فلسفی او است.

واژگان کلیدی: لامانوسف، قصیده غنایی، خطاب، بلاغت، اشکال بلاغی.

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی